

МЮЛЛЕР Юлия Эдуардовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Москва, Россия;
e-mail: jmueller@hse.ru; тел.: +7 9166858121

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические трансформации в немецко-русских художественных переводах. Автор останавливается на принятых в теории перевода видах трансформаций — генерализации, конкретизации, модуляции, антонимическом переводе и лексических опущениях и добавлениях. Выявляются причины трансформаций: расхождения в семантике или стилистических характеристиках лексической единицы, необходимость синтаксической перестройки предложения, различия в сочетаемости слов, управлении и валентности глаголов, расхождения экстралингвистических знаний реципиентов оригинала и перевода, неузуальность дословного перевода или семантическая избыточность оригинала. В статье указаны особенности влияния разных факторов на выбор приёма трансформации переводчиком. Автор считает, что лексико-семантические трансформации в большинстве случаев неразрывно связаны с синтаксическими и стилистическими трансформациями, и приводит примеры перевода текстов художественных произведений немецких авторов на русский язык.

Ключевые слова: лексико-семантическая трансформация, генерализация, модуляция, конкретизация, добавление, опущение, немецко-русский перевод.

Трансформации в переводе неоднократно становились предметом исследований, как правило, на материале английского языка [1; 5]. В диссертациях последних лет рассматривались трансформации как понятие и явление [4], лексико-стилистические трансформации в англо-русских художественных переводах [3], переводческие трансформации в текстовом дискурсе на материале англо-русских публицистических переводов [7]. В то же время, недостаточно подробно, на наш взгляд, рассматривались причины появления и необходимость трансформаций в художественных переводах. Чтобы восполнить этот пробел, в нашей статье мы проанализируем лексико-семантические трансформации в немецко-русских художественных переводах, рассмотрим их виды и причины появления. Целью данной статьи является выделение случаев лексико-семантических трансформаций в немецко-русских художественных переводах, классификация установленных трансформаций по их видам и анализ причин появления таких трансформаций в переводах.

В зарубежном и отечественном переводоведении неоднократно указывалось на существование между языками черт семантического и структурного сходства, так называемых языковых параллелей [8; 6]. Семантический параллелизм проявляется в общности значений слов, закреплённых в качестве словарных соответствий в двуязычных словарях. С точки зрения применения таких параллелей или отказа от них, исследователи делят переводческие операции на два основных класса: подстановки и трансформации [6, с. 95]. На уровне лексических единиц подстановкой будет являться использование в тексте перевода словарное соответствие единице оригинала. При использовании лексической трансформации в тексте оригинала и перевода отсутствуют словарные соответствия. В литературе подробно описаны различные виды переводческих трансформаций, в т. ч. лексико-семантических. Однако некоторое количество трансформационных переводов занесены в словари как соответствия. Излагая принципы составления двуязычных словарей, М. Я. Цвиллинг пишет, что двуязычный словарь наряду с соответствиями-эквивалентами приводит соответствия, созданные путем калькирования, транскрипции и лексико-семантических трансформаций — конкретизации, генерализации, экспликации и антонимического перевода, а также с помощью грамматических трансформаций [9, с. 87]. Это означает, что некоторое количество словарных соответствий являются трансформационными по определению.

Условия контекста могут не позволить использовать в тексте перевода обычные словарные соответствия. Учитывая всю дополнительную информацию, переводчик передаёт содержание единицы оригинала при помощи трансформаций. Лексико-семантические трансформации — это способ перевода лексических единиц оригинала путём использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью различных логических преобразований. Большинство исследователей выделяет следующие виды контекстуальных замен: генерализация, конкретизация, модуляция (смысловое развитие), экспликация (описательный перевод) и антонимический перевод.

Конкретизация — замена слова с более широким значением словом с более узким значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При языковой конкретизации замена слова с широким значением словом с узким значением обуславливается расхождениями в строе двух языков — либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, либо расхождениями в их семантике и стилистических характеристиках, либо требованиями грамматического порядка, например, необходимостью синтаксической трансформации предложения. Так, английское существительное *meal* и немецкое *Mahlzeit* означают любой приём пищи: *завтрак, обед, ужин*. Большой немецко-русский словарь (БНРС) даёт следующие эквиваленты этого слова: *еда, трапеза (завтрак, обед, ужин)*. При переводе на русский язык приходится применять конкретизацию: *Fabian... machte sich sofort... mit großem Appetit an die Mahlzeit* (Kellermann V. Totentanz). / *Фабян... немедленно с аппетитом приступил к ужину*. Переводчик выбирает эквивалент *ужин*, исходя из широкого контекста: герой романа возвращается из длительной поездки домой поздно вечером.

Русское слово *трапеза* со столь же широким объёмом значения применимо лишь в отдельных случаях: *...So dass man jedesmal vollkommen überflüssigerweise seinen Atem roch und an seiner letzten Mahlzeit teilnahm* (Böll H. Ansichten eines Clowns). / *...Волей-неволей вас обдавало его дыханием и вы получали полную информацию о его последней трапезе*. *Трапеза* — устаревшее слово книжного стиля. Здесь в переводе оно служит для воспроизведения ироничного отношения автора к данному персонажу.

Немецкое слово *Schwiegermutter* имеет в БНРС соответствия: *тёща, свекровь*. В русском языке отсутствует слово со столь же широким значением, что вызывает необходимость конкретизации, исходя из условий узкого контекста: *Sonst ist die Schwiegermutter wenigstens zu ihr halbwegs anständig gewesen, heute aber...* (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / *Обычно свекровь относилась к ней мало-мальски прилично, но сегодня...*

Конкретизация может оказаться необходимой из-за различий в сочетаемости слов в сопоставляемых языках: *Aber wir saßen noch keine zehn Minuten, als der strohblonde Kopf von Lenz an der Theke erschien* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Мы не посидели и десяти минут, как у стойки появилась соломенная шевелюра Ленца*. В данном случае прилагательное *соломенный* используется для обозначения цвета волос, и в русском языке оно сочетается именно с данным существительным, а не с существительным *голова*.

Контекстуальная конкретизация обусловлена не системно-структурными расхождениями между ИЯ и ПЯ, а факторами данного конкретного контекста, чаще всего стилистическими соображениями. В следующем примере конкретизация обусловлена несоответствием стилистических характеристик словарных соответствий: *Ein scheußliches Möbelstück, das irgendwie nach Schule aussah* (Böll H. Ansichten eines Clowns). / *Комод был отвратительный и чем-то напоминал школу*. Соответствие *предмет мебели*, приводимое БНРС, уместное в каталоге, описи или ином документе, не соответствует стилю художественной литературы.

В отдельных случаях конкретизация может делать перевод более выразительным за счёт фразеологизации. Дело в том, что фразеология, являясь наиболее специфичной частью словарного состава любого языка, обладает минимальной степенью переводимости по сравнению с лексическими единицами и свободными словосочетаниями. Именно в области фразеологии наблюдаются наибольшие потери. Стремясь восполнить эти потери, переводчик, по возможности, вводит в текст перевода фразеологические единицы там, где это позволяют условия контекста. Данным обстоятельством и вызвана конкретизация в следующих примерах: (1) *Eine Frau stülpte ihm eine grüne Papiermütze auf und hängte sich an ihn* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Какая-то женщина нахлобучила ему на голову красно-зелёный бумажный колпак и повисла у него на шее*. В данном примере немецкое *an ihn* в переводе конкретизируется *у него на шее*, и таким образом в тексте перевода появляется фразеологическая единица *виснуть на шее*, значение которой в толковом словаре русского языка (СРЯ) раскрывается следующим образом: *навязчиво добиваться внимания*. (2) *...er drehte sich im Kreise herum, aber ich hatte den Eindruck, dass er ruhiger wurde* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Он продолжал вертеться в заколдованном круге, хотя мне показалось, что он немного успокоился*. В БНРС устойчивое сочетание *sich im Kreis(e) drehen* имеет соответствие *двигаться по кругу (возвращаться к тому же самому, не сдвинуться с места)*. Переводчик конкретизирует слово *круг* с помощью прилагательного *заколдованный*, что создаёт ассоциацию с ещё одной фразеологической единицей — *порочный круг*, значение которой СРЯ раскрывает как *безвыходное положение*.

Генерализация — замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение единицей ПЯ с более широким значением. Так, к генерализации прибегают при переводе немецких существительных *Hand* и *Arm*, заменяя их при переводе словом с более общим значением *рука*: (1) *Pinneberg legt ostentativ seine rechte Hand aufs Knie* (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / *Пиннеберг демонстративно кладет правую руку на колено*. (2) *Sie warf ihre Arme um seinen Hals, sie*

presste sich an ihn (Fallada H. Kleiner Mann — was nun?) / Она обхватила руками его шею, она прижалась к нему.

В отдельных случаях применение генерализации обусловлено не отсутствием слова со столь же конкретным значением в ПЯ, а различиями в семантике соответствующих слов: *...fügte sie ruhiger hinzu und reichte ihm die Hand, während die Röte auf ihrem Gesicht verging* (Kellermann V. Totentanz). /... добавила она более спокойным тоном и протянула ему руку. **Краска** постепенно сбегала с её лица. Русское соответствие со столь же конкретным значением *румянец* в данном случае неприменимо, так как *румянец* — это краска стыда, смущения, а из контекста понятно, что героиня была возмущена.

Генерализация может применяться и в случае расхождения преинформационных запасов рецепторов оригинала и перевода. Так, в России по праздникам на домах нередко можно увидеть флаги. В гитлеровской Германии флаги со свастиками вывешивались из окон. Этим объясняется применение генерализации в следующем примере: *...und schon am Abend erschienen einzelne Fahnen an den Fenstern* (Kellermann V. Totentanz). / ...и уже с вечера, в канун праздника, на некоторых домах вывесили флаги.

Модуляция (смысловое развитие) — это замена слова ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Все знаменательные части речи делятся на три категории: предметы, процессы и признаки. В ходе перевода наблюдаются разнообразные замены внутри каждой категории и между различными категориями. Предмет может быть заменен его признаком, процесс предметом и т. д. При переводе глагольных сочетаний отмечаются разнообразные виды замен между причиной, процессом и следствием: (1) *So war es nicht gemeint* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / Ты меня не поняла. В переводе причина я не это имел в виду заменена следствием ты меня не поняла. (2) *Aber sie achtete darauf, dass ich nicht betrogen wurde und schlechte Stücke erhielt* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / Она следила, как бы меня не обманули, подсунув плохие куски. В данном примере, напротив, следствие я получу плохие куски заменяется причиной мне их подсунут. (3) *Der Buchhändler Dillinger, der auch sein Lieferant war, hatte sich vergrößert* (Kellermann V. Totentanz). / Книготорговец Диллингер — Фабриан был его постоянным покупателем — расширил свой магазин... Здесь замена происходит на основании причинно-следственных отношений между существительными продавец — покупатель.

Антонимический перевод — замена единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением, сопровождающаяся сменой утвердительной формы на отрицательную или наоборот. Антонимичным может быть словарное соответствие: *to take one's time — sich die Zeit nehmen — не торопиться; to sit up — aufbleiben, wach sein — не ложиться спать*. В таком случае переводчик вынужден прибегать к антонимическому переводу: *Zu seiner angenehmen Überraschung war Martha, das Mädchen, noch wach...* (Kellermann V. Totentanz) / Он был приятно удивлён, что горничная Марта ещё не ложилась.

Антонимический перевод применяется и в том случае, когда дословный вариант перевода неузуален: *Alles war noch da: die bunte Bücherreihe seiner Bibliothek, auf die er stolz war, die wenigen Bilder und Kleinigkeiten, an denen er hing* (Kellermann V. Totentanz). / Ничего не изменилось: пёстрые ряды книг, которыми он гордился, несколько картин и привычные безделушки.

Помимо вышеперечисленных видов трансформаций, Л. С. Бархударов выделяет **добавления** и **опущения** как особый вид лексико-семантических трансформаций [1, с. 250—257]. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений, могут быть различны. Наиболее распространённой является формальная невыраженность семантических компонентов в высказывании на ИЯ: «*Herr Blumental*», *erwiderte ich*, «*haben Sie heutzutage schon mal jemanden getroffen, der auf einen Preis was anderes antwortet?*» (Remarque E. M. Drei Kameraden) / — Господин Блюменталь, — сказал я. — А вы встречали в наше время кого-нибудь, кто по-другому откликнулся бы, когда ему называют цену? В словосочетании оригинала *auf einen Preis antworten* остаётся формально не выраженным семантический компонент *когда называют цену*.

Зачастую правильный выбор опущенного семантического компонента, добавляемого в переводе, требует знания экстралингвистических факторов: «*Wie Weihnachten!*» *sagte Lina* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / — Задарили, прямо как на Рождество! — сказала Лина. Действительно, если для носителя немецкого языка Рождество, прежде всего, ассоциируется с подарками, то это не настолько же очевидно для носителя русского языка, поэтому переводчик вынужден прибегнуть к добавлению *задарили*.

Нередко лексические добавления обуславливаются стилистическими причинами: стремлением полнее, точнее выразить мысль, сделать перевод более наглядным: (1) *...und er stand hier ein bisschen unschlüssig herum, ehe er weiterging* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / ...и здесь торчал сейчас просто от нерешительности, переминаясь на месте, прежде чем двинуться дальше. (2) В следующем примере добавление *на эстраду* делает перевод более эмоциональ-

ным: *Weißt du was? Geh zum Varieté. Da gehörst du hin. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Знаешь что? Иди в варьете, на эстраду. Там тебе место.*

Добавление может быть вызвано и различиями в управлении глаголов: «Ja», *erwiderte er, ohne mit einem Wimperchen zu verraten, dass er bis vor einer Sekunde von Fräulein Bomblatt nichts gewusst hatte* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / — Да, — ответил он, не моргнув глазом и не выдав ничем, что до этой секунды ничего не знал о существовании фройляйн Бомблатт. Русский глагол *не выдать* не сочетается с существительным *ресница*, в то же время в русском языке существует устойчивое словосочетание *не моргнуть глазом*, прекрасно передающее ту же мысль. Это выражение и было добавлено переводчиком, а существительное *Wimperchen* при глаголе *verraten* переведено с помощью генерализации: не выдав ничем.

В следующих примерах добавления вызваны различиями в валентности соответствующих глаголов: (1) *Der Schmied wollte Radau machen... Aber wir wehrten ab* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / *Кузнец начал было скандалить... но мы отказались от своих намерений.* (2) «Schön», *meinte Gottfried, «dann wollen wir mal sortieren»* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / — Хорошо, — заявил Ленц, — тогда давайте **рассортируем вещи**. В данных примерах добавления оказались необходимыми, потому что по-русски нельзя сказать «отказаться», не упомянув, от чего и «рассортировать», не указав, что.

Опущение — приём, противоположный добавлению. При переводе опущению подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающими значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи: «Sofort!» *erwiderte sie... «Dann wollen wir gleich aufbrechen», sagte ich* (Remarque E. M. Drei Kameraden). / — Едем немедленно! — воскликнула она... — Поедем, — сказал я. В немецком тексте семантически избыточным является слово *gleich*, так как имеет то же значение, что и употреблённое в предыдущей фразе слово *sofort*.

Семантическая избыточность может возникнуть при применении лексических трансформаций. Переводчик конкретизировал слово *Ölgemälde* (картина, написанная маслом), употребив в переводе слово *портрет*, что вызвало избыточность глагола *darstellen*: *Über dem Sofa hingen zwei nachgedunkelte Ölgemälde, die den alten Schellhammer und seine Frau darstellten* (Kellermann V. Totentanz). / *Над диваном висели два потемневших от времени портрета старого Шелльхаммера и его супруги.*

Л. С. Бархударов отмечает, что система языка в целом и конкретные речевые произведения обладают большой степенью избыточности, что даёт возможность производить те или иные опущения в процессе перевода. Устранение семантически избыточных элементов исходного текста позволяет переводчику осуществлять то, что называется компрессией текста, т. е. сокращение его общего объёма. Это нередко оказывается необходимым в силу того, что в ходе процесса перевода многочисленные добавления и объяснительные фразы, вводимые переводчиком для большей ясности, как правило, из прагматических соображений, грозят чрезмерным увеличением объёма текста перевода по сравнению с текстом оригинала. Чтобы уравновесить эту тенденцию, переводчик везде, где это позволяют условия текста и ПЯ, производит опущение семантически избыточных элементов исходного текста [1, с. 230]. Например: *Eine Frau lag darauf. Ich begegnete ihrem Blick. Sie sah mich gar nicht an. Sie sah irgendwohin, in eine unbestimmte Ferne. Aber ich zuckte zusammen vor diesen Augen...* (Remarque E. M. Drei Kameraden) / *На ней лежала женщина. Я уловил её взгляд. Она даже не посмотрела на меня. Но эти глаза заставили меня вздрогнуть...* В тексте перевода выпущено целое предложение: *Sie sah irgendwohin, in eine unbestimmte Ferne.*

Таким образом, переводчики часто прибегают к различным лексико-семантическим трансформациям, так как словарные соответствия не всегда применимы в конкретном контексте. Лексико-семантические трансформации в большинстве случаев неразрывно связаны с синтаксическими и стилистическими трансформациями. Причины разнообразных трансформаций исходного текста при его переводе могут быть следующими:

1. Отсутствие в ПЯ лексемы с таким же широким значением, как в ИЯ, расхождения в семантике или стилистических характеристиках, необходимость синтаксической трансформации предложения, различия в сочетаемости слов в сопоставляемых языках обуславливают использование при переводе приёма конкретизации. Кроме того, конкретизация может быть обусловлена факторами контекста, чаще всего стилистическими соображениями или стремлением переводчика компенсировать потери фразеологии.

2. При отсутствии слова со столь же конкретным значением в ПЯ, различиях в семантике соответствующих слов, расхождениях преинформационных запасов рецепторов оригинала и перевода уместен приём генерализации.

3. При необходимости синтаксической перестройки предложения, когда происходят разнообразные замены внутри категорий предметов, признаков, действий и между различными категориями, применяется приём модуляции.

4. При неузуальности дословного перевода может быть применён приём антонимического перевода.

5. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений: формальная невыраженность семантических компонентов в высказывании на ИЯ, особенно экстралингвистической информации; стремление переводчика полнее, точнее выразить мысль, сделать перевод более наглядным или эмоциональным; разница в управлении и валентности глаголов.

6. Семантически избыточные слова при переводе подвергаются опущению. Этот же приём используется при необходимости осуществить компрессию текста.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М. : Международные отношения, 1975. — 239 с.
2. Большой немецко-русский словарь : в 2 т. / [ред. О. И. Москальская]. — М. : Русский язык, 1998.
3. Губочкина Л. Ю. Особенности лексико-семантических и лексико-стилистических трансформаций при переводе художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Ю. Губочкина. — М., 2009. — 196 с.
4. Карбанова О. О. Переводческие трансформации как понятие и явление : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Карбанова О. О. — М., 2000. — 166 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М. : Высшая школа, 1990. — 127 с.
6. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики, методики преподавания / Л. К. Латышев. — М. : Просвещение, 1988. — 160 с.
7. Олейник А. Ю. Переводческие трансформации в текстовом дискурсе: на материале англо-русского и русско-английского публицистического перевода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ю. Олейник. — М., 2009. — 175 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М. : Международные отношения, 1974. — 216 с.
9. Цвиллинг М. Я. О некоторых принципах составления переводных словарей / М. Я. Цвиллинг // Тетради переводчика. — М. : Международные отношения, 1983. — Вып. 20. — С. 85—90.

References

1. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod / L. S. Barhudarov. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. — 239 s.
2. Bol'shoj nemecko-russkij slovar' : v 2 t. / [Red. O. I. Moskal'skaja]. — M. : Russkij jazyk, 1998.
3. Gubochkina L. Ju. Osobennosti leksiko-semanticheskikh i leksiko-stilisticheskikh transformacij pri perevode hudozhestvennoj literatury : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / L. Ju. Gubochkina. — M., 2009. — 196 s.
4. Karabanova O. O. Perevodcheskie transformacii kak ponjatie i javlenie : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Karabanova O. O. — M., 2000. — 166 s.
5. Komissarov V. N. Teorija perevoda / V. N. Komissarov. — M. : Vysshaja shkola, 1990. — 127 s.
6. Latyshev L. K. Perevod: problemy teorii, praktiki, metodiki prepodavanija / L. K. Latyshev. — M. : Prosveshhenie, 1988. — 160 s.
7. Olejnik A. Ju. Perevodcheskie transformacii v tekstovom diskurse: na materiale anglo-russkogo i russko-anglijskogo publicisticheskogo perevoda : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Olejnik A. Ju. — M., 2009. — 175 s.
8. Recker Ja. I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika / Ja. I. Recker. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1974. — 216 s.
9. Cvilling M. Ja. O nekotoryh principah sostavlenija perevodnyh slovarej / M. Ja. Cvilling // Tetradj perevodchika. — M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1983. — Vyp. 20. — S. 85—90.

МЮЛЛЕР Юлія Едуардівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької мови Національного дослідницького університету «Вища школа економіки»; Москва, Росія;
e-mail: jmueller@hse.ru; тел.: +7 9166858121

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ У ХУДОЖНЬОМУ ПЕРЕКЛАДІ

Анотація. У статті розглядаються лексико-семантичні трансформації в німецько-російських художніх перекладах. Автор розглядає прийняті в теорії перекладу види трансформацій: генералізацію, конкретизацію, модуляцію, антонімічний переклад і лексичні опущення і додавання. Виявляються причини трансформацій: розбіжності в семантиці або стилістичних характеристиках лексичної одиниці, необхідність синтаксичної перебудови пропозиції, відмінності у сполучуваності слів, керуванні та валентності дієслів, розбіжності екстралінгвальних знань реципієнтів оригіналу та перекладу, неузуральність дослівного перекладу або семантична надмірність оригіналу. У статті вказані особливості впливу різних чинників на вибір прийому трансформації перекладачем. Автор вважає, що лексико-семантичні трансформації в більшості випадків нерозривно пов'язані з синтаксичними та стилістичними трансформаціями, і наводить приклади перекладу текстів художніх творів німецьких авторів на російську мову.

Ключові слова: лексико-семантична трансформація, генералізація, модуляція, конкретизація, лексичне додавання й опущення, німецько-російський переклад.

Julia E. MÜLLER

PhD of Philology, Assoc. Prof., Department of German Language, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia;
e-mail: jmueller@hse.ru; mob. +7 9166858121

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN LITERARY TRANSLATIONS

Summary. The article deals with semantic transformations in German-Russian literary translations. The author focuses on widely-recognized kinds of transformations: generalization, particularization, modulation, antonymic translation and lexical omissions and additions. The aim of the article is to find out the reasons of transformations; divergence in semantic and stylistic characteristics of vocabulary units, necessity to transform the syntactic structure of the sentence, difference in word co-occurrence, valence of the verbs, gap in extralinguistic knowledge of recipients of the original text and translation, pragmatic unacceptability of literal translation or semantic redundancy of the original. The article listed the features of influence of various factors on the choice of transformative techniques by translator. The author believes that the lexical-semantic transformations in most cases are inextricably linked to the syntactic and stylistic transformations, and gives examples of translation of art texts by German authors into Russian.

Key words: lexical-semantic transformation, generalization, modulation, particularization, antonymic translation, lexical omissions and additions, German-Russian translation.

Статью получено 10.08.2014 г.

УДК 811.161.1'42'373.74:82-84(089.3):17.022.1 Иоанн Кронштадтский

ПАНОВА Анна Александровна,

аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: panovann@yandex.ru; моб.: +7 8 919 8904794

АФОРИСТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ДНЕВНИКАХ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО 1856—1858 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются функции афористических единиц в дневниках Иоанна Кронштадтского (Сергиева) 1856—1858 гг. Отмечается способность афоризмов отражать нравственные приоритеты автора исследуемых дневников. В статье приводится тематическая классификация афоризмов, которые по семантике условно можно поделить на две крупные группы: характеризующие «мирское» и «религиозное» в авторской языковой картине мира. Подвергаются подробному анализу афоризмы из трёх тематических групп, наиболее актуальных для Иоанна Кронштадтского. Таким образом, в статье рассматриваются афоризмы о страстях человека, о призвании священнослужителя, о соотношении Божественного и человеческого начал в человеке. Активное использование тропов в дневниковых записях объясняется их когнитивными свойствами, а также способностью тропов к «продолженному» действию. Одной из ярких синтаксических особенностей афористики дневников Иоанна Кронштадтского предстаёт вовлечённость афоризмов в сложное синтаксическое целое. В рамках сложного синтаксического целого происходит развёртывание той или иной темы при помощи афоризмов, в структуре которых наблюдаются лейтмотивные повторения образов, лексических единиц и т. д. Сложное синтаксическое целое может насчитывать в своей структуре от трёх до девяти афоризмов.

Ключевые слова: афоризм, дневник, моральные ценности, религиозный дискурс, Иоанн Кронштадтский.

Материалом для исследования послужила выборка из дневников Иоанна Кронштадтского 1856—1858 гг. [3] общим объёмом в 480 страниц, включающая 982 афоризма. «Афоризм — это краткое (преимущественно в рамках одной синтаксически завершенной единицы) словесно-художественное произведение конкретного автора, выражающее законченную мысль, претендующую на общезначимость и оригинальность формы и содержания» [2, с. 23].

По семантике афоризмы Иоанна Кронштадтского можно условно разделить на две группы. В первую, самую обширную, входит 715 афоризмов, характеризующих «мирское» в авторской картине мира. Самыми значимыми в ней оказываются обобщающие изречения о проблемах, связанных с подверженностью человека страстям: гнева, зависти, жадности, чревоугодия и т. д. (240 единиц); о добре и зле в мире (98 единиц); о жизни и смерти (76); о соотношении разума и сердца в человеке (64); о ценности любви (41); о правде (28); о важности языка и правильной речи (24); о справедливости и о счастье человека (по 20 единиц); о душе (19); о необходимости отвечать за свои поступки (16); о человеческой силе (10). Меньше афоризмов